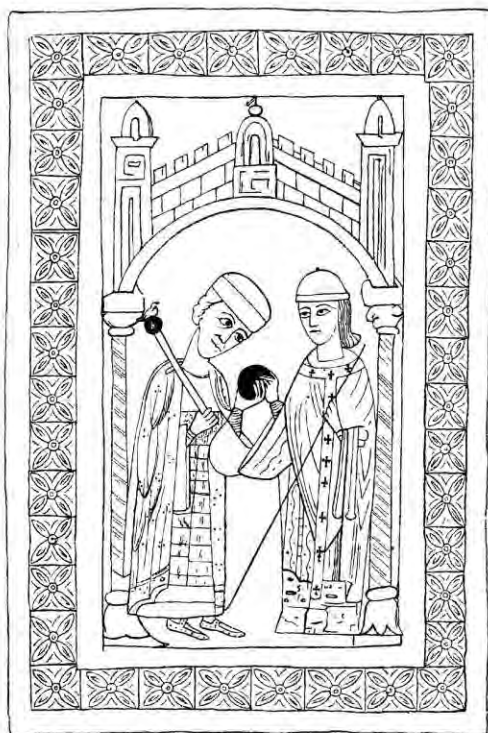

го или прочих циклов: вы увидите, что в нем нет и не может быть места героям другого сословия, кроме феодального. То же самое можно сказать о рыцарской лирике. Она поет не простую, доступную каждому человеческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственного быта, понятное только рыцарю да еще, может быть, горожанам Южной Франции и Италии. Зато среди городского населения процветала своя, неприязненная феодализму, литература. Здесь-то родилась сказка (fabliau), в которой язвительный и сухой ум горожанина осмеивал не одни только идеи и доблести, составлявшие как бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще все идеалы, все поэтические стороны Средних веков. В труверах можно узнать праотцов Рабле и Вольтера. Была, по-видимому, одна сфера, где утомленный раздором и войной ум находил покой и примирение. Мы говорим о науке, выросшей под сенью западных монастырей и носящей название схоластики. Это слово, означавшее собственно науку Средних веков, не пользуется большим почетом в наше время. Под ним привыкли понимать пустые, лишённые живого содержания диалектические формы. Не такова была схоластика в эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственных битв столь же смелая и воинственная, как то общество, среди которого ей суждено было совершить свое развитие. Заслуга и достоинство схоластики заключаются именно в ее молодой отваге. Бедная положительным знанием, она была исполнена веры в силы человеческого разума и думала, что истину можно взять с бою, как феодальный замок, что для смелой мысли нет ничего невозможного. Не было вопроса, перед которым она оробела бы, не было задачи, перед которой она со знала бы свое бессилие. Она, разумеется, не решила этих вопросов и задач, поставленных роковой гранью нашей любознательности, но воспитала в европейской науке благородную пытливость и крепкую логику, составляющие ее отличительные приметы и главное условие ее успехов. Вот права схоластики на вечную признательность новых поколений, хотя нам нечему

Папа Пасхалий II вручает Генриху V императорские регалии

более учиться в огромных фолиантах, которые содержат в себе труды средневековых мыслителей.

Из этой короткой характеристики вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная действительностью мысль не обретала покоя и в той области, где по-настоящему должны разрешаться все противоречия нашего существования, в ясном сознании их примиряющего закона. В науке шла та же борьба, что и в жизни. В конце XI столетия уже начался спор между реалистами и номиналистами, отозвавшийся вскоре в богословии и получивший впоследствии великое значение. В XIII в., то есть в эпоху, о которой мне предстоит сегодня беседовать с вами, этот спор перешел на другую почву. Парижский университет, отстаивая логический элемент в средневековой науке, вел ожесточенную борьбу с мистическими стремлениями францисканцев и доминиканцев. О направлении тогдашнего